

Е.И. Колесникова

Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург

e-mail: ekolesn@mail.ru

orcid 0000-0002-4441-565X

УДК 882

**«НАША ОБЩАЯ РОДИНА – НАШЕ ВРЕМЯ»:
БОРИС ИВАНОВИЧ ИВАНОВ – ПИСАТЕЛЬ, ОРГАНИЗАТОР,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ**

Ключевые слова: научный обзор, неподцензурная литература, Б.И. Иванов, Рид Грачев, традиции Серебряного века.

Дается краткий обзор организационно-художественной деятельности Б.И. Иванова в период становления литературной «второй культуры» 1960–1970-х гг. Анализируются философско-эстетические заявления Иванова и его исследования творчества Рида Грачева. Обозначена необходимость комплексного научного описания биографии и творчества Иванова на основе поступившего в Пушкинский Дом РАН архива.

Период оттепели, сменивший атмосферу экзистенциального страха сталинского тоталитаризма, дал старт многим начинаниям, в том числе в культурной среде. И этот след остался надолго после крушения надежд на демократизацию жизни в СССР. Время выдвинуло своих активистов. Борис Иванович Иванов (1928–2015) был одним из лидеров ленинградской неподцензурной литературы 1960–1970-х годов, организатором «самиздатовских» выпусков, редактором публикаций, одним из основателей уникальной по репрезентативности премии им. Андрея Белого. Эта премия сразу же обрела авторитетный статус, несмотря на отсутствие вознаграждения. Карнавальнo-богемная процедура (присуждался 1 рубль, яблоко и бутылка водки) сама по себе стала вызовом суконному ритуалу вручения государственных наград.

Помимо этого, Иванову принадлежат художественные, публицистические и исследовательские работы. Опубликованные на сегодняшний день произведения далеко не полно представляют универсальность и многогранность этой личности. Его философские размышления, сопровождавшие практические шаги, формулируют глубокие выводы о времени и общественном развитии. В настоящее время вдовой В. Аптер, архив Б.И. Иванова передан в Пушкинский Дом ИРЛИ РАН.

Наследие нуждается в научной систематизации, описании и серьезном осмыслении. Предстоит дать полную картину деятельности Иванова по консолидации творческих сил Ленинграда, охарактеризовать проблематику его творчества, представить философские взгляды и подготовить архив для научной работы. Его биография представителя поколения детей войны, была не прямой и насыщенной впечатлениями. В этом сыграли свою роль как исторические события, так и особенности креативной и свободолобивой

личности. В суровую блокадную зиму 1941-1942 годов он находился в Ленинграде. И только летом 1942 года был эвакуирован. Вернулся в Ленинград в 1945 году, где окончил ремесленное училище. Полученные навыки позволили ему работать токарем, затем отправиться в геологическую экспедицию буровым мастером.

Отслужив в армии, Иванов поступил на отделение журналистики филологического факультета ЛГУ, где погрузился в литературную среду. Характерной особенностью оттепельных лет становится возвращение внимания к Серебряному веку, в котором виделся исток обновления. Оценивая впоследствии современный ему литературный андеграунд, Иванов считал его непосредственным наследником модернизма начала XX века, называя имена Л. Андреева, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Булгакова, О. Мандельштама, А. Введенского, Д. Хармса, П. Филонова и др. [5, 210]. Безусловно, культурная почва в 1960-е гг. была не готова к восприятию эстетики Серебряного века, актуален был прежде всего ее нонконформизм и обновленческие философские идеи. В свою очередь, А.А. Житенев отметил, что «стремление к объективизму в диалоге с традицией предстает у Б. Иванова как незавершимый процесс, в котором половинчатость результата задана “беспочвенностью” неофициальной культурной среды. <...> Новая речь, даже ретроспективно обращенная, обречена остаться “беспочвенной”, постоянно обосновывающей самое себя» [1].

Рассматривая неофициальное течение как продолжение традиций русской литературы, Иванов определял его как «наследие „лишнего человека“ XX века...болезненную проблему, встроенную внутрь тела страны. О ней не говорят, как не говорят о наводнениях, гибели кораблей и эпидемиях <...>» [4, 489].

Развивая в этом же русле анализ героя новой словесности, Борис Иванович одним из первых точно формулирует его основные черты: «В этой литературе социальная незначительность героя и его частная жизнь стали главным объектом авторского внимания – будь то обивщик матрацев Адамчик в одноименной повести Рида Грачева или мальчик Битова, которого словно Бог поставил на посту у двери, за которой ему суждено найти мучительную и сладкую любовь» [4, 390].

Кроме того, культурная жизнь, проистекала на фоне времени, когда «СССР как был, так и оставался “во главе всего передового человечества”, и во имя этого в Восточной Европе стояли танковые армады, шла война в Афганистане, функционировали мордовские лагеря для политзаключенных» [4, 479]. Этому режиму соответствовала официальная литература соцреализма, ценность человека в которой определялась государственной пользой. Отсюда у творческой молодежи возникало ощущение застывшего безвременья.

И, осмысливая судьбы русского искусства, Иванов приходил к печальному выводу, что «все культурное творчество в России протекает на фоне свершившихся и совершающихся репрессий» [4, 134].

Но советское общество нельзя упрощать. Оно было в состоянии дать молодому поколению достаточное образование для того, чтобы то могло осмыслять происходящее. Иванов наблюдал и фиксировал, как шло зарождение новой культурной среды: «...На судьбах молодых литераторов нельзя не заметить, что их творчество не было *продолжением* той советской литературы, какой ее сделал тоталитарный режим, писательские союзы, идеология социалистического реализма, под которую была создана издательская промышленность. Они обнаружили способность к культурному самобытию, не имея никаких позиций в структурах, управляющих литературой и культурой. Их позиция стала позицией частных лиц» [4, 394].

Поле активной деятельности Иванова всегда оставалась литература. Как отмечал С. Стратановский, «его огромная заслуга – в сплочении неофициальной литературы, создании мира, в котором можно было жить, существовать и не чувствовать себя не востребуемым» [Цит. по: 7]. Активная деятельность по продвижению талантливой, но вписывающейся в каноны социалистического реализма литературы, сопровождалось напряженными философски углубленными размышлениями о судьбах государства. Иванов «доказывал архаичность государственной идеологии и политики, неэффективность экономики, основанной на бюрократическом планировании, и необходимость политических и гражданских свобод» [4, 386].

Его прогностика основывалась на достоверных знаниях страны и народа, которые предоставил его обширный жизненный опыт. «В стране, где национальное единство не основано ни на духовных ценностях, ни на народных традициях, ни на единстве культуры – воплощено лишь в централизованной бюрократической машине, слом этой машины обнаружит, до поры до времени скрываемую, религиозную, духовную, моральную пустоту. В стране не окажется достаточно сильного интегрированного большинства, которое могло бы сохранить преемственность национальной жизни при крутых исторических поворотах» [4, 490].

Н. Чижов, характеризовавший философско-мировоззренческие взгляды Иванова, отметил, что в его рецепции «формируется модель развития культурного движения как процесса духовно-нравственного обновления общества и выработки ценностно-мировоззренческой основы для эффективной модернизации официальной культуры и социально-политической системы в стране» [8, 238].

Вот как вспоминал Иванов о пост-оттепельном периоде: «После хрущевских реформ и связанных с ними надежд мы начали понимать, что режим все более увязает в самодовольстве, что нам предстоит бег на длинную дистанцию» [4, 418].

Исходя из сложившейся ситуации, Иванов определял личную стратегию: «В 1976 году моим девизом стало «Успеть!». Успеть сделать как можно больше, и если «сесть», то не за чепуху, а за существенность сделанного. Слежка, прослушивание телефона, предупреждения КГБ авторам «Часов»

(Журнал самиздата, собираемый и редактируемый Б.И. Ивановым – Е.К.) за недопустимость сотрудничества с диссидентским изданием сообщали жизни остроту: будто бежишь по крышам вагона несущегося поезда» [4, 468]. Именно этот период, когда оно обретает черты общественного явления, принято считать временем зарождения неподцензурного культурного движения.

Но для приближения неофициальной литературы к читателю, возможности писателей легально общаться и печататься, необходимо было вступать в переговоры с официальными властями. И здесь Иванов предстает как умудренный политик-дипломат. Он выдвигал важные для своего сообщества требования к власти: «предоставлять ...защиту от обвинений по закону о тунеядстве.... Литератор – гражданин, и он обязан подчиняться законам государства, а не цеховым требованиям. Личное достоинство также не должно определяться цеховой моралью» [4, 486].

Осуществление намеченных целей требовало от Бориса Ивановича немало усилий, в том числе определять допустимые границы взаимодействия с официозом. Важно было не уступить в главном: «в круг обязанностей ...литераторов не следует включать такие обязательства, которые прямо или косвенно содержат указания, каким должно быть художественное творчество» [4, 486].

Сложившуюся обстановку понимали и власти. Поскольку, как верно подметил Иванов, андеграундная культура в советском обществе не была эгоцентрична, она была «встроена в социум как его собственная радикальная проблема, как его собственная потенция» [5, 220-221]. По мнению А.А. Житенева, глубоко и последовательно проанализировавшего параметры философии культуры Б.И. Иванова, само понятие «культурное движение» снимало открытую ценностную противопоставленность официоза и андеграунда... [2, 66-79]. Для легализации течения было предложено «усыновление» непослушного пасынка Союзом писателей. Предлагалось, что возглавит новое подразделение один из его действительных членов. К этому времени в Союзе писателей состояли, в том числе и представители андеграунда. Например, приветствовалась кандидатура талантливой поэтессы Майи Борисовой. Но органы предложили Ю.А. Андреева, сотрудника советского сектора Пушкинского Дома, в неофициальных кругах прозывавшегося «Сусловым» [4, 488].

После долгих обсуждений удалось отстоять право не включать в устав объединения упоминание о «социалистическом реализме», самостоятельно выбирать правление. Андрееву было заявлено: «Неверно думать, что неофициалы – трудновоспитуемы. Мы – хуже – невоспитуемы. И в этом состоит наше главное достоинство» [4, 489]. Так возник «Клуб-81», который называли «Монако свободы». Сюда вошли такие неподцензурные литераторы, как Белла Улановская, Виктор Кривулин, Сергей Стратановский, Виктор Ширали, Елена Шварц, Елена Игнатова, Борис Дышленко, Михаил Берг, Федор Чирсков и многие другие.

Радеющий за свободу творчества каждой отдельной личности, Иванов безошибочно выделял таланты и создавал почву для их расцвета. Так, еще в студенческие годы он познакомился с Ридом Иосифовичем Вите (1935-2004), будущим писателем Ридом Грачевым, который стал его другом, первым читателем его произведений, героем публицистики, адресатом посвящения самого известного произведения - повести «Подонок». Современник, свидетель зарождения замыслов, участник бесед и споров, Борис Иванович останется первым и главным исследователем наследия Рида Грачева.

Для Иванова этот писатель был самым ярким символом шестидесятых: «Если мы хотим распознать голос шестидесятых годов ушедшего века из уст молодого поколения тех времен, голос, не приглушенный ученической незрелостью, не ограниченный субъективностью молодости, нужно слушать и читать Рида Грачева» [3, 5].

При этом Борис Иванович честно осознавал и оценивал свое непростое время, что приближало к пониманию личности Грачева как представителя поколения: «Сама действительность нагроулила его своими проблемами, противоречиями исторических разрывов, чтобы найти в нем неподкупного резонера. Он опробовал все возможности, которые предоставляли «оттепельные» годы. Он стал поистине свободной личностью и поднялся на тот уровень понимания исторической ситуации и ее проблем, к которому на основе своего опыта пришли Александр Солженицын и Андрей Сахаров. И нашел в себе смелость писать об этом. И в то же время остался замечательным исключением в среде шестидесятников» [3, 5].

До настоящего времени статья Иванова «Легенда шестидесятых – Рид Грачев» – дает наиболее полный и глубокий анализ творческой судьбы этого писателя. Состоящая из четырех глав, работа содержит хронику биографии, отслеживает эволюцию содержания и поэтики его творчества. Дается профессиональный литературоведческий анализ типологии героев «еще необозначенной реальности» [3, 32]. Грачев, по мнению исследователя, вводит в литературу нового героя – «“маленьких людей” – детей и подростков, мелких служащих и рабочих. Взрослые в рассказах мало отличаются от детей, у них, взамен воспитателей, начальство. В жизнь первых и вторых бесцеремонно вторгаются окружающие люди. В этом тесном бесцеремонном социальном мире рефлексия людей на происходящее с ними коротка, мысли бессистемны, и собственно личностные биографии невозможны, есть лишь история выживания, приспособления, конфликтов, старения» [6].

С большим тактом и пониманием тонкой грани болезни и таланта, Борис Иванович пишет о влиянии психического расстройства Грачева на его творчество. Болезнь отравляла жизнь писателя и одновременно становилась объектом художественного описания.

Одним из загадочных явлений взаимодействия двух писателей является повесть «Подонок». Здесь гротесктно-утрированно представлен герой-

шестидесятник, в котором проступают черты как самого Иванова, так и Рида Грачева, которому посвящена повесть. Почему автор описал столь экстремальный характер и выбрал такое заглавие? Из нашего времени сочетание «пошляки и подонки литературы» мы невольно соотносим с именами М. Зощенко и Ахматовой, данное им в период государственной травли. В любом случае, повесть содержит яркий типологический портрет эпохи.

Прожив долгую, насыщенную жизнь, Борис Иванов по праву мог повторить слова, сказанные в конце шестидесятых: «Я знаю законы этого мира. Чтобы жить – я должен преодолеть страх. Но есть один способ преодолеть его – держать фонарь перед собой. Я не хочу видеть впереди только собственную тень. Боги умерли, да здравствуют боги – наши желания видеть и делать мир лучше, чем он есть» [4, 78].

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ проект № 23-28-01311

Литература

1. Житенев, А.А. Альтернативные модели времени в самосознании «неофициальной» культуры / А.А. Житенев // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 5(135). – С. 279–288. // <http://www.nlobooks.ru/node/6590#sthash.hmoQMIPf.dpuf> – Дата доступа 09.03.2024.
2. Житенев, А.А. Философия культуры Бориса Иванова / А.А. Житенев // Emblemataamatoria: Статьи и этюды. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. – 2015. – С. 66–79.
3. Иванов, Б.И. Легенда шестидесятых – Рид Грачев / Б.И. Иванов // Рид Грачев. Письмо заложнику. – СПб: журнал «Звезда». – 2013. – С. 5–82.
4. Иванов, Б.И. Невский зимой / Б.И. Иванов // Соч. в 2 томах. – Т. 2. – М: Новое литературное обозрение – 2009. – 496 с.
5. Иванов, Б.И. Культурное движение как целостное явление / Б. Иванов // Часы. – 1979. – № 21. – С. 209–221.
6. Иванов, Б.И. Рид Грачев // <http://belyprize.ru/index.php?id=195&ysclid=lu5bsfytrnm939893886> – Дата доступа 09.03.2024.
7. Карasti, Р. [Рецензия] Борис Иванов. Сочинения. Том 1. «Жатва жертв». Том 2. «Невский зимой». – М.: Новое литературное обозрение. – 2009 // *Зинзивер*, № 2, 2009 // <http://www.zinziver.ru/publication.php?id=890> – Дата доступа 09.03.2024.
8. Чижев, Н.С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении // Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (Статья первая) // Научный диалог. – 2021. – № 8. – С. 221–247.

E.I. Kolesnikova

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom)
of the Russian Academy of Science St. Petersburg
Orcid 0000-0002-4441-565X
e-mail: ekolesn@mail.ru

“Our common homeland is our time”:

Boris Ivanovich Ivanov – writer, organizer, researcher

Key words: scientific review, uncensored literature, B.I. Ivanov, Reed Grachev, traditions of the Silver Age.

A brief overview of the organizational and artistic activities of B.I. Ivanov during the formation of the literary “second culture” of the 1960s and 1970s is

given. The philosophical and aesthetic statements of Ivanov and his research on the work of Reed Grachev are analyzed. The need for a comprehensive scientific description of Ivanov's biography and creativity on the basis of the archive received by the Pushkin House of the Russian Academy of Sciences.

Н.Н. Коноплёва

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: ninadurinova@yandex.ru

УДК 821.111-93

«ОБРАЗ» Д.Д. ШОСТАКОВИЧА В РОМАНЕ ДЖ. БАРНСА «ШУМ ВРЕМЕНИ» (“THE NOISE OF TIME”)

Ключевые слова: Барнс, антиутопия, Шостакович, власть, «образ».

В статье рассматривается роман английского писателя Джулиана Барнса «Шум времени» и отражение в нем жизни и творчества Дмитрия Шостаковича, величайшего композитора XX века. В центре внимания писателя находятся отношения композитора с властью, и в этом смысле роман по тематике и трактовке «образа» композитора близок к жанру антиутопии, которая трактует власть как средство подавления личностного начала в человеке.

Известная английская писательница начала XX века Вирджиния Вулф признавалась, что она не понимает, о чем русская литература. Удивительного в этом мало, так как русская литература сосредоточена на иных нравственных ценностях по сравнению с английской литературой и культурой. Посмотрим, в какой степени понимание отечественной культуры изменилось по сравнению с началом прошлого века, а роман о нашей жизни глазами иностранца всегда вызывает живой интерес. Литературоведы справедливо отмечают, что Джулиан Барнс хорошо знаком с русской культурой. Действительно, он владеет обширной информацией по истории того периода, когда происходит действие романа, знает пословичный материал, легко приводит высказывания политических деятелей того периода. Более того, он с большой долей иронии использует коммунистическую фразеологию: ‘*A Soviet Artist’s Creative Reply to Just Criticism*’, ‘*life under the sun of Stalin’s constitution*’, ‘*received proper direction*’, ‘*great recidivist*’. Он знает русскую литературу, например, цитирует Блока: ‘*We rest only when we dream*’. Но особенно его занимает Гоголь и его петербургская повесть «Портрет», поскольку в ней ставится извечный вопрос о высоком предназначении художника и его ответственности за данный ему талант. ‘*In ‘The*